

УДК 141.2

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-63-75>

EDN: EXAOET

Поступила: 09.08.2024

Принята: 27.01.2025

Опубликована: 10.04.2025

ФИЛОСОФИЯ «ПОЗИТИВНОЙ» ДЕКОНСТРУКЦИИ ЖАКА ДЕРРИДА

*Купарашвили Мзия Джемаловна**Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск)*

Можно сказать, что в активном, положительном ключе понятие и механизм деконструкции почти никогда не анализируются. Негативный пафос понятия, который лежит на поверхности, вводит в заблуждение, и не сразу заметно, что оно описывает реальное положение мира, сложившегося раньше. В данном контексте понятия «деконструкция», «децен-трация», «деструктурация» составили инструментальную базу формирования категориального аппарата, позволяющего передать новое видение и отношение к человеческому универсуму. Принципиально иное отношение к понятию «письмо», история письма, ретроспективный взгляд на него открыли возможность увидеть его с другой стороны, а поскольку письмо — основание всего того, что составляет культуру, концепт Деррида повлек за собой действительно грандиозную трансформацию мировоззрения современника. Экспликация известных метафизических терминов потребовала не столько новую интерпретацию, сколько радикальное их разрушение, развенчивание как фантомов сознания и введение не просто неожиданной, но и крайне неудобоваримой терминологии для передачи оригинальных оттенков мысли о действительности. Деррида яснее всех постмодернистов видит незавершенность фазы развития, что требует некоторого времени для итогового эффекта. Данное обстоятельство, пропитанное случайностью, рассматривается им как достаточное основание легитимности игрового характер языка. Обнаружение нового вида знаков, в прямом смысле молчаливых (пауза, след, отпечаток, различание), неучтенных прежней семиологией, позволяет Деррида практически строить основы новой метафизики, что не мешает яростно критиковать ее. Очевидно, что размышления Деррида не покидают границы философии, а его концепт деконструкции оказался отличным способом философствования, который доносит до читателя невыразимые, не артикулируемые до него мысли.

Ключевые слова: письмо и первописьмо, присутствие, деконструкция, различение и различание, знак, след и отпечаток, язык и текст, структура и квазиструктура.

Для цитирования:

Купарашвили М.Д. Философия «позитивной» деконструкции Жака Деррида // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 1. С. 63–75. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-63-75>. EDN: EXAOET

JACQUES DERRIDA'S PHILOSOPHY OF «POSITIVE» DECONSTRUCTION

Msiya G. Kuparashvili

Dostoevsky Omsk State University (Omsk)

It can be said that the concept and mechanism of deconstruction are almost never analyzed in an active, positive way. The negative pathos of the concept, which lies on the surface, is misleading and prevents from noticing that it describes the real situation of the world that developed earlier. In this context, the concepts of «deconstruction», «decentralization», and «destruction» constitute the instrumental basis for the formation of a categorical apparatus that allows us to convey a new vision and attitude to the human universe. A fundamentally different attitude to the concept of «writing», the history of writing, and a retrospective look at writing opened up the opportunity to see it from the other side. Furthermore, since writing is the foundation of everything that makes up culture, Derrida's concept entailed a truly grandiose transformation of the contemporaries' worldview. The explication of well-known metaphysical terms required not so much a new interpretation as their radical destruction, their debunking as phantoms of consciousness, and the introduction of not just unexpected, but extremely indigestible terminology to convey the original shades of thought about reality. Of all postmodernists, Derrida has the most clear vision of the incompleteness of the development phase, which requires, which requires some time for the final effect. He considers this circumstance, saturated with chance, as a sufficient basis for the legitimacy of the game character of language. The discovery of a new kind of signs, literally silent ones (pause, trace, imprint, distinction), unaccounted for by previous semiology, allows Derrida, in actual fact, to build the foundations of a new metaphysics, which, however, does not prevent Derrida from fiercely criticizing it. Obviously, Derrida's reflections do not leave the boundaries of philosophy, and his concept of deconstruction turned out to be an excellent way of philosophizing that conveys to the reader thoughts that had not been expressed and articulated before Derrida.

Keywords: writing and arche-writing, presence, deconstruction, distinction and discrimination, sign, trace and imprint, language and text, structure and quasi-structure.

To cite:

Kuparashvili M.G. [Jacques Derrida's philosophy of «positive» deconstruction]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psichologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 1, pp. 63–75 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-63-75>, EDN: EXAOET

Тот факт, что человеческое бытие протекает не столько в реальном, естественном мире, сколько в отрerefлексированной и артикулированной действительности, в языке, письме и знаковых системах, становится достоянием осознанной интерпретации лишь в узких рамках постструктурализма и постмодерна. Понимание данного факта не могло не сопровождаться определенным скепсисом и разочарованием, что, в свою очередь, порождает индифферентность и весьма специфическое чувство иронии. Принадлежащая собственно человеку действительность

резко сократилась до его собственных мыслей и представлений о существующем независимо от него мире. Обнаружение автономности моделирующей способности языка наводило на неприятные мысли об утрате средств выражения и волеизъявления. Однако непреложность факта обязывала когнитивные способности человека находить противоядие, способы сопротивления для возврата утраченной позиции управления и статус-кво создателя. Безусловно, что деконструкция и децентрация, рассеивание и атомизация знаковых систем пока де-

монстрируют лишь отрицательные картинки, но в определенном смысле это является способом обуздания не только данности буквы и звука, но и институциональной произвольности социального кода и возможности разворошить бессознательные основы кодификации.

Постмодерн безнадежно изменяет время. Прежние способы изложения смысла потеряли актуальность, утратили способность цеплять, возбуждать живой интерес, соблазнять ум и завладеть интеллектом современника. Все стало привычно, пресно, обыденно. Устойчивые языковые и смысловые конструкции обнаружили чопорность и косность, из носителей актуальных живых измышлений превратились в слепые монументы незыблемых догматов. Отсюда желание описать, обозначить и выяснить значение неучтенных до сих пор *пустых мест* в языке, письме, тексте, которые прежние термины «знак», «символ», «слово», «понятие» категорически не могли выразить. Демонстрация сущности указанных понятий потребовала введения нового категориального аппарата с преднамеренным эффектом разрушения, рассеивания и деконструкции. Цель предложенной работы — показать вполне положительное значение постструктуралистской практики на основе работ Жака Деррида, несмотря на очевидный негативный флер направления. Кроме того, погружение в философию Деррида делает очевидной нецелесообразность критики метафизики, т.к. сам процесс критики становится примером весьма оригинальных метафизических рассуждений. Безусловно, о постструктурализме и о столь ярком авторе, как Деррида, многое уже сказано, бесконечное число комментаторов и аналитиков, казалось, не оставили темных мест в его творчестве (М. Аар, Н.С. Автономова, Р. Бергнт, Е. Бехлер, Р. Витцлер, Е. Гурко, А.В. Дьяков, И.П. Ильин, Э. Истхоуп, Дж. Келлер, К. Норрие и мн. др.). Однако нас интересует тот реальный эффект его деконструкции, который открывает пространство для оформления новой онтологии. Автор пытался показать конечность и ограниченность постструктуралистской программы и выход за ее пределы самого концепта деконструкции, который формирует доступ к бесконечно широкой проблематике в условиях антропологического перехода.

Как философ и литературовед Ж. Деррида не самый понятный мыслитель, в нем слишком много французского, не только снобизма и эстетизма, но и откровенной интеллектуальной заносчивости, что сильно затрудняет восприятие его бесспорно гениальных мыслей. Многие философы признавались в нежелании читать и понимать весьма вычурно и запутанно сформированные рассуждения. Так, Франклин Анкерсмит в интервью Э. Доманска говорит: «Я перестал понимать Деррида, начиная с его *Glas*. Я искренне пытался прочесть несколько его более поздних книг, но обнаружил, что неспособен ничего в них понять. С этого времени его работы стали такими непроницаемыми и такими неудобоваримыми, что я утратил мужество и желание отыскать в них какое-либо полезное послание» [Доманска Э., 2010, с. 116]. Есть упреки и к его не всегда очевидным спекуляциям: «Деррида словно опасается, как бы не звучал его авторский “голос”. При этом, комментарии Деррида, которые составляют самую суть его философии, строго говоря, не вполне добросовестны. Он “играет” на неточностях перевода <...> и эта спекуляция позволяет ему прочесть текст так, как ему удобно, немало не интересуясь замыслом автора. <...> Эти опасности подстерегают читателя Деррида на каждом шагу и, по-видимому, свои ловушки он расставляет вполне осознанно» [Дьяков А.В., 2008, с. 207]. Тем не менее, факт огромного влияния Деррида на современную философию, лингвистику, литературоведение, политику, культуру более чем очевиден. Введенный Деррида концепт деконструкции надолго определил литературу и лингвистику и практически не выходит из философской моды. Пробравшись через «изысканное и тонкое издевательство над читателем, здравым смыслом, традицией и господствующими представлениями, ниспровержение общественных ценностей, паразитирование на классических текстах» [Деррида Ж., 2000b, с. 4], мы обнаружим радикальное разворачивание исследовательской базы как в лингвистике, так и в философии и культуре. Его оригинальные взгляды на письмо актуализируют понятия «старой» метафизики с немыслимой для нее стороной и служат не только пространством дискурсивных игр, но и прощупывают потенциал иного взгляда на мир.

Знак, различАние и след

Принципиально иную науку о письме Деррида называет грамматологией, и это новый этап в понимании письма. Он становится возможным лишь как результат замещения понятия «язык» понятием «письмо», что позволило письму перестать быть «убогой вторичностью» и описывать само движение языка. Деррида пишет: «Вторичность, которую всегда считали признаком письма, на самом деле относится ко всякому означаемому как таковому — причем это происходит “всегда-уже” (*toujours d’йja*), с самого начала игры ... Возникновение письма есть возникновение игры» [Деррида Ж., 2000а, с. 120]. Именно данное прочтение письма разрушало понятие «знак» и его логику. Письмо перестало быть вторичностью благодаря тому, что его новое прочтение тесно связалось с возникновением игры. И это не удивительно: понятие языка постоянно расширялось, что размывало его границы, рано или поздно мы должны были добраться до степени обструкции и аннулирования. Многозначность артикуляции языка — звуки, слова, голос, слух, дыхание, речь — прикрывает нечто более важное и фундаментальное, чем письмо, и это — *первописьмо*, которое Деррида вводит не в хронологическом, а в феноменальном значении. В свое время спорное утверждение о том, что письмо предшествует фонетическому языку (на что в середине XX в. настаивали советские лингвисты И. Мещанинов и Н. Марр) (см. [Купарашвили М.Д., 2022]), практически было прикрытием или маской как раз первописьма. Деррида поясняет: «Преимущество звука (*phone*) не есть следствие выбора, которого можно было бы избежать. Оно отвечает определенному моменту», слушать собственную речь посредством звуковой субстанции — это та система, которая сложилась начиная с XVII в. и господствовала в эпохе рационализма, породила идею различия между идеальным и неидеальным, всеобщим и невсеобщим, трансцендентальным и эмпирическим и т.п. [Деррида Ж., 2000а, с. 121]. Все это свело письмо к вторичной, инструментальной функции, «к технике на службе языка, к роли передатчика и истолкователя недоступной истолкованию изначальной речи» [Деррида Ж., 2000а, с. 121]. Деррида утверждает, что язык, который всегда был разновидностью письма,

заставил нас забыть об этом, и что в этом виновата логоцентрическая метафизика, научная парадигма мышления, которая только сейчас, после трехсот лет господства, выдыхается. Сегодня смерть книги возвещает о смерти речи и о кардинальных изменениях в истории письма, в истории как письма. «“Языком” стали называть действие, движение, мысль, рефлекссию, сознание, бессознательное, опыт, аффективность и др. А теперь стали называть все это и многое другое словом “письмо”» [Деррида Ж., 2000а, с. 122]. Оригинальное отношение письма и речи утверждает необходимость их высветления путем деконструкции исторических и лингвистических связей между ними.

Совершенно справедливое убеждение постструктуралистов в том, что сознание не дано самому себе в качестве объекта присвоения, в работах Деррида получает весьма оригинальную экспликацию. Мир есть произвольная данность сознанию, которое, соответственно, не имеет никакой направленности. Письмо, которое создает смысл, оказывается несвязанным ни с присутствием и наличием, ни с логикой. Принятое по умолчанию тождество логоса и голоса, единства знака и смысла Деррида объявляет фундаментом фоноцентризма, на который, в свою очередь, выстраивается логоцентрическая метафизика, определяющая смысл бытия как «присутствия». Осознание того факта, что у человека отсутствует привилегированный, прямой доступ к объективной (независящей от него) реальности, приводит к пониманию *наличия посредника* между человеком и истиной о мире. Причем, по мнению Ж. Деррида, посредников — большое количество, и они все расположились в сфере языка и предстают в виде ступеней, каждая из которых представляет собой *след* предыдущей ступени. Отличаются они друг от друга *различием*, которое Деррида называет «*различАнием*». Способом осуществления «различАния» является письмо. Письмом считается любая форма записи следов-посредников: все способы и виды установления артикуляции — гравировки, насечки, нарезки и т.д. — есть письмо. Всякий знак — устный и письменный — является знаком знака, следом следа, каждый из них — звено-посредник в бесконечной цепи отсылок. Сама наука возникла в определенную эпоху истории письма как опосредующая ступень между

человеком и истиной о мире и, соответственно, является следом предыдущих состояний. «Только когда письмо *погибло* как знак-сигнал, оно рождается как язык; тогда оно говорит то, что есть, отсылая тем самым лишь к себе, к знаку без значения, игре и к чистому функционированию, ведь оно больше не *используется* как естественная, биологическая или техническая информация, как переход от одного сущего к другому, от означающего к означаемому» [Деррида Ж., 2000b, с. 21–22]. Иначе говоря, письмо, язык и речь следует не только представить как единый предмет анализа, но и попытаться создать правила, закономерности работы этого единства как результативной процедуры нового способа присвоения реальности. Слишком обширные границы, которые маячат перед исследователем на входе в проблему и пугают и обнадеживают, однако путь одолеет идущий.

Подобное слишком живое, щемящее чувство начала чего-то неизвестного можно считать основной чертой работ Деррида, и это можно легко продемонстрировать на примере определения предмета грамматиологии. Целенаправленно заменяя понятие «семиология» в фразе Ф. де Соссюра, Деррида поясняет предметность новой науки грамматиологии, и это лучшее объяснение: «...мы назвали бы ее [грамматиологией] <...> Поскольку она еще не существует, нельзя сказать, какая она будет; но она имеет право на существование, а ее место определено заранее. Лингвистика — только часть этой общей науки: законы, которые откроет [грамматиология], будут применимы и в лингвистике» [Деррида Ж., 2000a, с. 173]. Другими словами, Деррида видит грамматиологию в качестве общей и целостной науки о письме вообще, в которой все остальные обозначения речи являются его (письма) проявлением. По мнению Деррида, это стало абсолютно очевидно после того, как транслингвистика Р. Барта [Барт Р., 2008] заставила понять, что лингвистика исторически была подчинена логоцентрической метафизике, для которой не существует иного смысла, кроме «именованного».

РазличАние

В качестве термина исключительно важного значения, понятие «различАние» у Деррида появляется как неологизм (сам Деррида предпочитает называть его неографизмом) на базе разли-

чия двух французских слов «différence» и «différance». Он пишет: «В узусе нашего языка окончание на -ance остается неопределенным между активным и пассивным. И мы увидим, почему то, что позволяет обозначать себя посредством “различения”, не выступает ни попросту активным, ни попросту пассивным» [Деррида Ж., 1999, с. 177]. Другими словами, Деррида не хватило степени активности статуса понятия «différence» (различение). Термин «различАние» (différance) впервые появляется в работах 1967 г. и после неоднократно уточняется его значение. В труде «Голос и феномен» (1967) Деррида настаивает, что этот неографизм не есть ни слово, ни понятие, а представляет собой «тихую графическую интервенцию», т. к. он пишется или читается, но не слышится. А поскольку негативные определения столь же ложны, как и позитивные, «различение» не зависит от присутствия или отсутствия.

Так, какова цель введения понятия?

Прежде всего, оно имеет прямое отношение к знаку. Знак заменяет предмет, который он обозначает, и регулярно замещает его в его отсутствии. Так он становится отсроченным присутствием, т.к. его «хождение», циркуляция в языке отсрочивает момент встречи с самим предметом. Более близкое рассмотрение этого замещения и предварения знаком предмета обнаруживает странное (потому как непредметное и необъяснимое) исконное различие: любое предыдущее значение и замещение может быть рассмотрено и как конечное, финальное значение, и как начальное. Другими словами, с трудом понимаемая роль и значение различия в языке, предстает совершенно понятным и необходимым «ингредиентом» в качестве возможности построить желаемый концепт. Таким образом, понятие «различение» как слово, которое ровным счетом не обозначает ничего, приобретает грандиозное значение в игрищах между означающими и их означающих. Они ведь различны?! Остается только придать различению активный статус процессуальности, для чего необходимо уйти от традиционного понимания «différence», ввести его аномальный (аномальный) аналог, которым так легко воспользоваться в качестве первоклассного психологического якоря, и который полностью очищен от всего предметного, даже от идеальной предметности. Соответственно, процесс как со-

бытие есть, и он фиксируется нашим мышлением, но это событие предстает перед мышлением как пустое множество. Но производит эффект! Если исходить из того, что данное обстоятельство — искомое, то «позитивный» смысл различания показывает, как легко в угоду выбранному концепту можно заложить основу нужной реинтерпретации тем и предметов мысли, на счет которых существует более традиционный взгляд. Эффект неожиданности разрушает не только стабильность системы, но и деконструирует эмоциональную сферу читателя.

На основе указанных размышлений, Ж. Деррида и вводит неографизм «различАние» (*différance*), которым обозначает не-данность всего во времени и пространстве как факта невозможности найти и зафиксировать окончательное значение, оно не предполагается и даже запрещается для правильного понимания различАния. Термин представляет собой весьма живую демонстрацию мира, постоянно находящегося на грани «исчезновения». По словам самого Деррида, он постарался воплотить в термине «связка» различные пути для реализации введенного неографизма, который Деррида предварительно обозначает термином «различАние» [*différance*], и которое в буквальном смысле не есть ни слово, ни понятие. И далее важнейшее примечание по поводу понятия «связка»: «Я держусь здесь за термин связка по двум причинам: с одной стороны, нужно будет не описывать историю, <...> не рассказывать текст за текстом, контекст за контекстом <...> речь пойдет именно об общей системе этой экономии. С другой стороны, слово связка кажется более пригодным для обозначения того, что предложенное объединение имеет структуру смещения, тканевости, переплетения, которая позволит разделять разные нити и разные смысловые — или силовые — линии точно так же, как оно будет готово связывать другие» [Деррида Ж., 1999, с. 169–170]. Другими словами, связка обозначает не системный принцип, а превентивный способ связи любых двух элементов с любой степенью связи — существенной/несущественной, случайной/закономерной, объективной/коннотативной и т.д. Перед нами весьма прозрачная, однозначная картина деконструкции, или еще точнее — микрофизика рассеивания текста. Здесь уместно напомнить, что текст есть все, что есть, что существует.

Так понятое различАние, описанное Деррида как тихая графическая интервенция, практически оформляет специфику иного понимания природы не только текста и письма, но и лингвистики и текстологии вообще. Понятие «различАние» наводит на новые рассуждения о мысли и смысле и фундирует становление грамотологии как учения в качестве новой науки о письме. «Пирамидальное» молчание графического различия между «е» и «а» может функционировать лишь внутри системы фонетического письма, языка или грамматики, которые исторически связаны с фонетическим письмом. Однако, по мнению Деррида, фонетическое молчание, функционирующее только внутри письма, напоминает, что строго фонетического письма не существует. Оно может функционировать, лишь допуская в себя не фонетические «знаки» (пунктуация, разрядка и т.д.), т.е. все то, что плохо согласуется с понятием знака [Деррида Ж., 1999, с. 171]. Чуть позже эту ситуацию более прозрачно распишет Юлия Кристева с помощью терминов «жест» и «анафра» [Кристева Ю., 2004].

Поскольку, по мнению Деррида, путь через *форму* есть путь через *отпечаток*, смысл различАния можно понять лучше, если поймем единство формы и отпечатка [Деррида Ж., 2000а, с. 188]. РазличАние есть чистый след, а он не зависит от чувств, наоборот, он есть условие и слышимости, и зримости, и фонического, и графического восприятия. Так понятое различАние столь же чувственно, сколь и умопостигаемо. Оно дает возможность сорасчленения знаков внутри одного и того же абстрактного порядка, или между двумя различными порядками выражения «оно дает возможность членораздельной речи и письма в обыденном смысле слова, обосновывая противопоставление между чувственным и умопостигаемым» [Деррида Ж., 2000а, с. 189].

След

Понятие «след» (*trace*) Деррида позаимствовал у Э. Левинаса [Левинас Э., 2004] для замещения категории «наличие», невзирая на то, что они друг от друга категорически отличаются. «След» нужно помыслить до мысли о сущем, это принципиально, иначе понятие теряет значение. Довольно известная мысль о том, что слово и то, что им обозначается, никогда не мо-

гут быть тождественны, т.к. то, что обозначается, никогда не присутствует, не наличествует в знаке, он только замещает предмет, — у Деррида приобретает весьма оригинальное основание. В классической метафизике оппозицией следа является «присутствие». Временной интервал, разрушающий знак и обозначаемое им явление, со временем (в ходе применения знака в системе других знаков, т.е. в языке) превращает знак в «след» данного явления. В результате слово окончательно теряет свою непосредственную связь с обозначаемым, т.е. своим происхождением. Так, смысл смысла оказывается бесконечным подразумеванием, бесконечной отсылкой от одного означающего к другому. Это означает, что пространственно-временная закрытость различения реализуется в понятии «след». И в этом качестве след оказывается в основе возможности языка и письма. Здесь стоит напомнить, что в привычном смысле след не есть знак, т.к. не связан с какой-либо предшествующей «природой» или сущностью. В этом смысле след не мотивирован ничем внешним, он определен лишь собственным становлением, как результат процесса различения. Отсюда утверждение о том, что след — это вторичный знак, то, что уже априори записано. Так, взаимосвязь следа и различия подводит к понятию «письмо», которое, в свою очередь, толкуется как двусмысленное присутствие-отсутствие следа. Таким образом, Деррида обосновывает свои мысли о том, что никогда ничего не существует, кроме письма. Не было ничего, кроме различения и замещения, которые возникают лишь тогда, когда «реальное» вторгается и дополняется, приобретает смысл от следа и так до бесконечности, ведь невозможно отыскать первоначальную традицию «письма», т.к. любой текст, даже самый древний, ссылается на более ветхое предание. Поэтому появление любой конечности оказывается «всегда уже...». Единственное, что может создать хотя бы видимость определенности в факте порождения смысла и языка, — является письмом, понимаемом как исчезновение наличия.

Введение понятия «след» связывается с тем, что (перво)начало всегда создавало (и создает) возвратное движение чего-то неизначального, т.е. следа, который тем самым становится (перво)началом (перво)начала: «Если все начинается со следа, то никакого “самого первого следа”

не существует» [Деррида Ж., 2000а, с. 187]. Обращение к первоначалу (первоначальному следу или прото-следу) необходимо, поскольку «путь через форму есть путь через отпечаток» [Деррида Ж., 2000а, с. 188]. Ведь «чистый» след представляет собой «различАние», он не зависит от чувственного восприятия, т.к. сам является его возможностью и всегда предваряет «знак» (означающее/означаемое, содержание/выражение и т.п.). «Если бы язык уже не был в каком-то смысле письмом, вторичная “система записи” как таковая была бы невозможна, а традиционная проблема отношений между речью и письмом вообще бы не возникла» [Деррида Ж., 2000а, с. 189]. Таким образом, утверждение отсутствия первоначала вообще парадоксально распознается в образе следа в качестве абсолютного первоисточника смысла. «След — это различАние, которое раскрывает акт явления и означения», т.е. в силу того, что он возникает раньше, чем непосредственная чувственная данность, он не может быть описан готовыми понятиями.

Так описанный след — «это не только исчезновение (перво)начала, он означает также, что (перво)начало вовсе не исчезло, что его всегда создавало (и создает) возвратное движение чего-то неизначального, т. е. следа, который тем самым становится (перво)началом (перво)начала» [Деррида Ж., 2000а, с. 187]. Таким образом, обращение к перво-следу лишено смысла, т.к. очевидно, что «это понятие разрушает это имя и что если все начинается со следа, то никакого “самого первого следа” не существует» [Деррида Ж., 2000а, с. 187]. Деррида пишет, *«Вот почему мысль о следе не может ни порвать с трансцендентальной феноменологией, ни полностью редуцироваться к ней»* и подытоживает такими словами: «При деконструкции начальности (archie) выбор вообще неуместен» [Деррида Ж., 2000а, с. 188].

И тем не менее, *«След есть фактически абсолютное (перво)начало смысла вообще. А это вновь и вновь означает, что абсолютного (перво)начала смысла вообще не существует. След — это различАние, которое раскрывает акт явления и означивания»* [Деррида Ж., 2000а, с. 192]. След всегда повторение, он одновременно идеален и реален, чувственен и умопостижаем, «ни одно метафизическое понятие не может его описать». И так как он возник-

кает раньше, чем любые разграничения между чувственными восприятиями, он предшествует и звуку, и цвету. Следовательно, различие как источник лингвистической значимости никогда не является чувственно данной полнотой, т.к. его необходимость противоречит ссылкам на естественную звуковую сущность языка [Деррида Ж., 2000а, с. 176]. Перед нами образцово построенная метафизика с целью критики метафизики. Так Деррида уничтожает метафизику «наличия», даже не замечая, как параллельно с этим строит собственную метафизику «следа».

В контексте анализа следа и различия **структура** и ее деконструкция обнаруживают принципиально иные свойства. По утверждению Деррида, в конце XX в. в истории понятия «структура» происходит событие, внешняя форма которого предстает как разрыв, раскол или удвоение. Событие происходит в момент, когда «пришлось помыслить, т.е. повторить саму структурность структуры» [Деррида Ж., 2000b, с. 445–447], для анализа которой понадобилось понятие различия как овременение и опространствление структуры (означающего) и введение понятия следа, чтобы зацепить не то плавающее состояние конкретного означающего, не то факт полного его отсутствия.

Вполне объективно, что феномен структуры в принципе воспринимается как естественный способ организации универсума. Слово «структура» — ровесник западной науки и философии, его корни уходят в почву обыденного языка. Однако когда нет больше сил понимать силу изнутри ее самой, т.е. творить, когда метод структурирования добирается до структурирования самого себя, тогда происходит это событие — форма соблазняет. Другими словами, вначале очевидно, что форма и контуры видны лучше, если содержание, т.е. живая энергия мысли, нейтрализовано, отодвинуто на второй план. Однако, когда форма, контуры и структура становятся результативными, эмпирически оправданными, они превращаются в самоцель, приобретают самодостаточную значимость. В таком состоянии, по мнению Деррида, эмпиризм выполняет иные функции, он превращается в матричную форму всех ошибок, которые угрожают дискурсу, продолжающему претендовать на научность [Деррида Ж., 2000b, с. 459], поэтому «нет ничего парадок-

сального в том, что структуралистское сознание оказывается сознанием катастрофическим, одновременно сломанным и ломающим, *деконструирующим*». И только здесь, в *угрожающей* ситуации замечают структуру: «Структуралистское беспокойство и побуждение, становясь методическими, внешне создают лишь иллюзию технической свободы. В действительности же они воспроизводят на методическом уровне тревогу и побуждение бытия, историко-метафизическую угрозу основаниям» [Деррида Ж., 2000b, с. 12–13]. В этом смысле разложение структуры на элементы делает очевидным многие затемненные места в ней, которые до этого принимались по умолчанию.

Именно поэтому **деконструкцию** приняли сразу и те, кто считает его исключительно негативным понятием, и те, кто более взвешенно оценивает методологический потенциал понятия. Все оттенки толкования деконструкции имеют место в действительности. Ее действительно можно рассматривать не только как способ принципиальной критики реалистического модуса мира и способа релятивизации классических бинарных оппозиций, но и как специфическую процедуру нахождения интердискурсивных связей, как об этом писал М. Фуко [Фуко М., 2020]; или как Пол де Ман, который видит в деконструкции способ демонстрации того, каким образом любой текст становится отличным от себя в процессе прочтения [Ман П. де, 1999]. Поскольку основная цель деконструкции — преодоление метафизики, то для Ж. Деррида она — отличный способ философствования, который выступает основным принципом анализа текста. С одной стороны, деконструкция — сугубо техническое средство выявления в тексте опорных понятий и метафор, указывающих на несамостоятельность текста, на следы его перекличек с другими текстами. Так прочитанная деконструкция принимается в качестве способа разгадывания метафор, разоблачения скрытой логики символа, которая всегда содержит в себе в латентном виде бинарную оппозицию (субъект и объект, мужчина и женщина, природное и культурное и т.д.). Ж. Деррида был первым, кто стал утверждать, что в такой оппозиции одна сторона всегда подчинена другой, и что вопрос доминанции здесь основополагающий, т.к. без него оппозиция не имеет смысла и не существует. В

этом качестве термин «деконструкция» предлагает анализ каждого понятия в качестве культурно-идеологической конструкции, а не только как обозначение некоторой реальности. Постструктуралистский взгляд, рассматривающий весь мир как текст, весьма близок Деррида, но его текст не совпадает с языком. Он против упрощенного понимания деконструкции. В интервью в Москве он говорит: «Обычно, деконструкцию изображают как то, что отрицает что-либо внешнее по отношению к языку, как способ включения всего в язык. Люди, предпочитающие определять как “язык” то, что я называю “текстом”, поскольку я как-то написал: “нет ничего вне текста”, обычно переводят и интерпретируют мое высказывание так: “нет ничего вне языка”. Тогда как... дело обстоит совсем наоборот...» [Жак Деррида в Москве, 1993, с. 153–154].

С другой стороны, деконструкция выглядит как негативный познавательный императив постмодернистской чувственности. Деррида старается отрефлексировать границу между миром реальным и миром, отраженным в сознании людей. Экономические, воспитательные, политические и иные социальные институты вырастают из «культурной практики», которая устанавливается в философских системах, что и составляет материал для деконструкции. Так, деконструкция неотделима от политико-институциональной проблематики, и через исследования тех кодов, которые были восприняты от этики и политики («Конфликт факультетов»), она должна искать новые способы установления ответственности. Речь идет о борьбе авторитетов государственных и университетских структур за влияние над общественным сознанием.

Кроме того, для Деррида понятия власть, институт, инстанция, университет приобретают самостоятельное существование, живут собственной жизнью и влияют на мысли и поведение человека непонятным для него образом. Техника деконструкции демистифицирует подобные фантомы сознания. Так, постструктуралистская практика мышления превращает ментальные объекты и феномены (право, власть, институция, университет и т.д.) в онтологические сущности, которые приобрели автономные свойства и превратились в угрозу. В данном контексте можно полностью согласиться с

Дж.Х. Миллером, который, оценивая понятие «деконструкция», писал, что оно выполняет роль «демонстрации того, что уже деконструировано» [Miller H.G., 2009]. Следовательно, принцип деконструкции не является негативным актом теоретического разрушения анализируемого текста. Это то, чем отличается деконструкция от простого анализа или критики. Таким образом, деконструкция подвергает критике все то, что имеет форму общественного сознания и социального института. Она стала исключительным способом демонстрации пустых форм и оболочек смыслообразования, содержание которых было утрачено, но в качестве легитимных структур и трафаретов все еще сдерживают живую мысль.

Для читателя очевидно, что деконструкция выглядит как определенный вид радикально негативной экспликации, что еще раз подтверждает ее метафизическую природу и потому не покидает границы философии. Очевидно и то, что ее специфика — в негативном пафосе, когда целью (иногда не очень осознанной из-за того, что до самозабвения увлечена игрой) экспликации выступает не просто разрушение и атомизация, но и выжигание пространства мысли. И, тем не менее, еще раз согласимся с Дж.Х. Миллером, деконструктивисты показывали деконструкцию мысли, общества и культуры, которая происходила в режиме реального времени. Они нашли соответствующую терминологию для артикуляции и анализа происходящего. Отсюда, при всей негодии, деконструкция предстает незаурядным способом философствования, она интересна и поучительна, действительно обладает очарованием отрицания догматического мышления, но в изложении Деррида уж очень она напоминает гильотину от головной боли. Ведь важно, чтобы после деконструкции не оставалось одно только выжженное поле философии.

Центр и ацентризм

Несмотря на то, что никакой «правильной», единственно верной стратегии деконструкции не существует, универсальным способом ее реализации является децентрация.

В основе представлений о структуре лежит понятие «центра структуры». Принцип центрации является общим и базовым условием существования любых познавательных и организа-

ционных структур. Любая целостность представляется как хорошо упорядоченная система, но как только универсальной проблемой становится язык, и центр перестает мыслиться в категориях присутствия, все становится дискурсом. Без центра мир оказывается совокупностью противоречащих смыслов и явлений, обозначенных словами. После девальвации структуры способом упорядочения восприятия становится квазиструктура, которая постулируется наблюдением человека как результат его желания или воли к власти. Другими словами, «читатель», субъект восприятия, толкуя «текст» или отражая реальность (т.к. она тоже текст), навязывает им свои собственные мысли, «вкладывает» их в текст или реальность, которые сами по себе могут быть совершенно другими. Таким образом, деконструкция выявляет логоцентризм любого текста через обнаружение бинарных оппозиций, забытых этимологий, сходство значений, неявных метафор.

Объективно, и сегодня центр является организационной силой, и его роль до сих пор никем не оспаривался. Однако в XX в. функции центра стали сводить к принципу игры. Такая подмена не становится объектом особой экспликации, принимается сразу и по умолчанию. Отсутствие ответа на вопрос, почему объективная (и потому не бесконечная) пермутация смыслов вокруг мысли (центра) рассматривается в терминах игры, а не закона, откровенно указывает на целенаправленную профанацию и девальвацию смысла, мысли, центра, структуры и порядка. Сами они не могут исчезнуть, и познающий человек не может от них отказаться, как замечает Деррида, их необходимо прочесть с иной точки зрения, совершить трансцензус в их толковании, изменить способ восприятия и применения, что вовсе не означает конец их существования. Функция центра заключается в ограничении «игры структуры», которая является организующим принципом игры. Другими словами, упразднение центра превращает игру в основной принцип существования.

Таким образом, в конце XX в. принцип «центрации» приводит науку и философию к крайнему рационализму, утверждающему примат дискурсивно-логического сознания над всеми прочими его формами, и требует подвергнуть центр такому же анализу, как любой элемент структуры. Именно с этим связано

умозаключение Деррида о том, что в истории понимания структуры произошло нечто, что можно назвать «событием», которое обнаружило внешние контуры структуры в виде «разрыва» и «повторения». Данное событие Деррида связывает с критическими работами Ницше, Фрейда и Хайдеггера и называет его «децентрализацией» или децентрацией структуры. Критика таких метафизических понятий, как «бытие» и «истина», которые Ф. Ницше заменяет понятием игры, меняет истолкование знака и отрицает присутствие истины. С именем З. Фрейда Деррида связывает его критику присутствия для самого себя (сознания). С именем М. Хайдеггера связывается деструкция метафизики, онто-теологии и определение бытия как присутствия. «Все эти дискурсы и их аналоги вовлечены в некий круг. Этот круг — единственный в своем роде и описывает он отношение между историей метафизики и деструкцией истории метафизики: чтобы поколебать метафизику, нет никакого смысла обходиться без понятий метафизики; мы не располагаем таким языком, <...> который был бы чуждым для этой истории» [Деррида Ж., 2000b, с. 448].

Однако с точки зрения философии, объявление центра структуры фикцией не спасает ситуацию. Выбранный способ децентрации лишь мультиплицирует центр с учетом произвольных локальных правил, легитимность которых ситуативна и потому сильно ограничена. Право определения центра в структуре отдается субъекту воли, автору, субъекту власти, субъекту действия и т.д. Однако децентрация, которая становится основным условием критики классического логоцентрического мышления, с учетом заявленной смерти субъекта и автора, превращается в фарс и в легитимизацию хаоса. Нашему современнику хорошо известно, как подобные мировоззренческие установки приводят в культурной жизни к европоцентризму, что наделяет европейский тип мышления статусом «суда» над другими формами культуры. В истории ацентризм рисует опасные картины футуроцентризма, детерминированного положением: настоящее всегда «лучше» и «важнее» прошлого. В экономике — это децентрация производства, в культуре — это отказ от этноцентризма в пользу плюрализма культур, в политике — это уничтожение принципов этатического государства. В антропологии — это кри-

зис идентичности, индивидуализация, антропологический переход (или катастрофа), ведь демонтаж классической фигуры субъекта становится ключевой в постмодернистской мысли. Фрагментируется личность, что делает ее нетождественной самой себе. В литературе происходит отказ от биполярности автора/героя, субъекта/объекта. Стирается грань между философией, эстетикой, критикой и литературой. Искусство здесь выглядит не как отражение реального мира, а как отражение собственного «Я» художника, писателя и т.д. В литературе и философии деконструкция разворачивается в понятиях децентрированного субъекта и децентрированного дискурса.

Главный результат особого взгляда на мир, который основан на ацентризме, заключается в том, что в нем человек лишен своего центрального места, т.е. человек создает картину мира, в которой он лишний. Сперва он создает, изобретает способы присвоения и организации мира, которые изначально порочны и ущербны, а после, отрицая принятые им же организационные правила, впадает в другую крайность: отрицает необходимость их наличия, устанавливает правила отсутствия правил и нивелирует объективные законы на основании того, что самому миру (без человека) они не принадлежат, а раз человек их сочиняет, то они могут быть любыми.

Центр, не допускающий собственные правила организации системы для организации себя, — это не только заявка на уникальность, однократность (божественность) центра, но и претензия на обнаружение незыблемого, непреходящего закона и начало самой возможности упорядочения феномена человеческого бытия. Другими словами, это фундаментальный закон для человека, который не способен жить готовыми природными трафаретами и клише, нуждается в трансцендентальной определенности, что, собственно, делает из него человека. В этом контексте понятие центра входит в особую группу понятий, имеющих не только аксиоматическое значение. Особая сетка категорий, которые принципиально требуют трансцензуса из наличного знания, называются трансценденциями (см. [Купарашвили М.Д., 2002, 2003]). Но в контексте децентрации и деконструкции трансцендентности объявлена война, поэтому ссылка на исключительность понятия «центр» не работает. Уход в мультицентричность, квазиструктурность и безудержный релятивизм не

решает проблему, скорее является фактором, усугубляющим положение, становится основанием дисгармоничности, дестабилизации, узакониванием анархизма и целенаправленного анормализации всего ненормального.

Главным фактором дестабилизации мышления, который свидетельствует о незрелости человеческого разума, является категорическое отрицание тех естественных законов, естественных авторитетов, признание и подчинение которым не только не может быть унижением достоинства самой свободы (т.к. она есть самоограничение), но и может стать способом обнаружения благоразумной и мудрой формы бытия в формате разума, с идеалом духовно-нравственного равновесия и человека, и общества.

Ж. Деррида подводит весьма проницательный итог: «Я не думаю, что сегодня настало время *выбирать*», потому что мы все еще находимся в области историчности, где сама категория выбора выглядит крайне легковесной. Еще потому, что нам надо попытаться помыслить общую почву этих толкований и само различие этого неуничтожимого различия. И еще потому, что Деррида видит сам процесс рождения чего-то нового, и он видит еще тех, кто «отводит глаза от того пока еще неименоваемого, которое уже возвещает о себе», и которое при отсутствии вида имеет уродливый вид [Деррида Ж., 2000b, с. 466]. Неудивительно, что в последние годы жизни Деррида больше говорил об этических проблемах и экзистенциальных вопросах, деконструировать которые уже не получалось. В новом контексте концепт письмо/текст оказался той необходимой предварительной конвенцией, благодаря которой стало возможно всерьез говорить о деконструкции, потому что наметился выход к проблемам сугубо человеческого бытия, даже в глазах самого Ж. Деррида, и понятие деконструкции съезжилось до «жеста недоверия к любому европоцентризму». Можно сказать, наконец-то было найдено место прямого применения термина. Однако это несколько не умоляет универсальные деструктивно-моделирующие возможности способа деконструкции систем, переходящих в динамический режим, на что сам Деррида неоднократно указывал.

Подводя итоги размышления о позитивности понятия «деконструкция», можно утверждать, что концепт, выбранный основной формой реализации постструктурализма, демон-

стрирует моральный и физический износ классических систем и структур упорядочения универсума. Дерридовское прочтение исторических и лингвистических связей между понятиями «письмо» и «речь» заложило основу оригинального анализа текста. Деконструкция сделала очевидным превращение элементов структуры в пустые шаблоны мышления, ограничивающие процессы позитивного присвоения мира. Введение понятий «след» и «различАние» в качестве механизмов разложения допускает к иным пластам культурного анализа структур. И здесь главное — осознанный и целенаправленный анализ как резко отрицательного флера деконструкции, так и рефлексивные возможности раскодирования, без впадения при этом в крайности. Разумный подход к возможностям деконструкции способен дать инструмент некоторого управления произвольной активности знаковых систем. Хочется верить, что преобладание отрицательных результатов — болезнь роста. Преодоление данного порога обещает выживание человечества и определение новых параметров его положения в универсуме.

Список литературы

- Барт Р. Нулевая степень письма: пер. с фр. М.: Академ. проект, 2008. 431 с.
- Деррида Ж. Голос и феномен / пер. с фр. С.Г. Кашиной, Н.В. Суслова. СПб.: Алетейя, 1999. 208 с.
- Деррида Ж. О грамματοлогии / пер. с фр. Н.С. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.
- Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. СПб.: Академ. проект, 2000. 495 с.
- Доманска Э. Философия истории после постмодерна / пер. с англ. М.А. Кукарцевой. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. 400 с.
- Дьяков А.В. Философия пост-структурализма во Франции. Нью-Йорк: Северный крест, 2008. 364 с.
- Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия / пер. с фр. и англ.; под ред. Е.В. Петровской, А.Т. Иванова. М.: Культура, 1993. 208 с.
- Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / пер. с фр. Г.К. Косикова, Б.П. Нарумова. М.: РОССПЭН, 2004. 656 с.
- Купарашвили М.Д. Структурализм: начало новой эры. М.: Алмавест, 2022. 208 с.
- Купарашвили М.Д. Сумма трансценденталий. Ч. 1: Онтология разума. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2002. 398 с.
- Купарашвили М.Д. Сумма трансценденталий. Ч. 2: Гносеология разума. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2003. 320 с.
- Левинас Э. Гуманизм другого человека / пер. с фр. Г.В. Вдовиной // Левинас Э. Избранное. Трудная свобода. М.: РОССПЭН, 2004. С. 591–662.
- Ман П. де. Аллегории чтения: Фигуральный язык Руссо, Ницше, Рильке и Пруста / пер. с англ. С.А. Никитина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 368 с.
- Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. 3-е изд., стер. СПб.: Гуманит. академия, 2020. 416 с.
- Miller H.G. For Derrida. N.Y.: Fordham University Press, 2009. 384 p.

References

- Barthes, R. (2008). *Nulevaya stepen' pis'ma* [Writing degree zero]. Moscow: Akademicheskyy proekt Publ., 431 p.
- Derrida, J. (1999). *Golos i fenomen* [Speech and phenomena]. St. Petersburg: Aleteya Publ., 208 p.
- Derrida, J. (2000). *O grammatologii* [Of grammarology]. Moscow: Ad Marginem Publ., 512 p.
- Derrida, J. (2000). *Pis'mo i razlichie* [Writing and difference]. St. Petersburg: Akademicheskyy proekt Publ., 495 p.
- Domanska, E. (2010). *Filosofiya istorii posle postmoderna* [Philosophy of history after postmodernism]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 400 p.
- D'yakov, A.V. (2008). *Filosofiya post-strukturalizma vo Frantsii* [Post-structural philosophy in France]. New York: Severnyy krest Publ., 364 p.
- Foucault, M. (2020). *Arkheologiya znaniya* [Archaeology of knowledge]. St. Petersburg: Gumanitarnaya akademiya Publ., 416 p.
- Kristeva, Yu. (2004). *Izbrannyye trudy: Razrushenie poetiki* [Selected works: Destruction of poetics]. Moscow: ROSSPEN Publ., 656 p.
- Kuparashvili, M.D. (2002). *Summa transtsendentaliy. Ch. 1: Ontologiya razuma* [Summa transcendentalis. Part 1: Ontology of mind]. Omsk: OSU Publ., 398 p.
- Kuparashvili, M.D. (2003). *Summa transtsendentaliy. Ch. 2: Gnoseologiya razuma* [Summa transcendentalis. Part 2: Gnoseology of mind]. Omsk: OSU Publ., 320 p.
- Kuparashvili, M.D. (2022). *Strukturalizm: nachalo novoy ery* [Structuralism: the beginning of a new era]. Moscow: Almavest Publ., 208 p.
- Levinas, E. (2004). [Humanism of the other]. *Levinas E. Izbrannoe. Trudnaya svoboda* [Levinas E.

Selected works. Difficult Freedom]. Moscow: ROSSPEN Publ., pp. 591–662.

Man, P. de (1999). *Allegorii chteniya: Figural'nyy yazyk Russo, Nitsshe, Ril'ke i Prusta* [Allegories of reading: Figural language in Rousseau, Nietzsche, Rilke, and Proust]. Yekaterinburg: UrSU Publ., 368 p.

Miller, H.G. (2009). *For Derrida*. New York: Fordham University Press, 384 p.

Petrovskaya, E.V. and Ivanov, A.T. (eds.) (1993). *Zhak Derrida v Moskve: dekonstruktsiya puteshestviya* [Jacques Derrida in Moscow: deconstruction of the journey]. Moscow: Kul'tura Publ., 208 p.

Об авторе

Купарашвили Мзия Джемаловна
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии

Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского,
644077, Омск, пр. Мира, 55А;
e-mail: kuparashvili@rambler.ru
ResearcherID: KZU-7958-2024

About the author

Msiya G. Kuparashvili
Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of Philosophy

Dostoevsky Omsk State University
55A, Mira av., Omsk, 644077, Russia;
e-mail: kuparashvili@rambler.ru
ResearcherID: KZU-7958-2024